

А. П. Ракова, А. А. Шанев

ФРОНТОВОЙ БЫТ СОВЕТСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ

Тематика истории Великой Отечественной войны многогранна. Долгие годы война описывалась с точки зрения политического руководства, состояния фронтов в соотношении с «живой силой» и техникой. Роль отдельного человека на войне освещалась, как часть гигантского механизма. Особо акцентировалось внимание на способности советского воина выполнить приказ командира любой ценой, готовности умереть за Родину.

Сложившийся образ войны подвергся сомнению во времена хрущевской «оттепели». Именно тогда стали публиковаться воспоминания участников войны, записки военных корреспондентов, фронтовые письма, дневники – источники, которые менее всего подвержены воздействию идеологии. В них поднимались «трудные темы», раскрывались «белые пятна». На первый план выдвинулась тема человека на войне.

Поскольку эта тема обширна и разнопланова, раскрыть ее в рамках одной статьи не представляется возможным. На основе фронтовых писем, воспоминаний, дневниковых записей, а также неопубликованных источников авторы все же попытаются осветить некоторые проблемы фронтового быта периода Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Как жил солдат на фронте, в каких условиях воевал, как был одет, что ел, чем занимался в короткие передышки между боями – все эти вопросы важны, именно решением этих бытовых проблем обеспечивалась во многом победа над врагом.

На начальном этапе войны солдаты носили гимнастерку с откладным воротником, со специальными накладками в районе локтей. Обычно эти накладки делались из брезента. Гимнастерка носилась со штанами, имеющими такие же брезентовые накладки в районе колен. На ногах – ботинки и обмотки¹. Именно они были главным горем солдат, особенно пехоты, так как именно этот род войск ходил в них. Они были неудобными, непрочными и тяжелыми.

Такой тип обуви был вызван экономией средств. После опубликования в 1939 г. пакта «Молотов–Риббентроп» армия СССР за два года увеличилась до 5,5 млн. человек. Обуть всех в сапоги было невозможно. Экономили на коже, ботинки шили из той же кирзы².

До 1943 г. непременным атрибутом пехотинца была скатка через левое плечо. Это шинель, которую для мобильности скатывали и надевали ее так, чтобы солдат не испытывал неудобств при стрельбе. В остальных случаях скатка доставляла массу хлопот. Если летом при переходе пехоту атаковала немецкая авиация, то из-за скатки солдаты были видны на земле. Из-за нее же невозможно было быстро убежать в поле или укрытие. А в окопе ее просто сбрасывали под ноги – с ней было бы не вернуться.

Многие авторы пишут о том, что стрелковое оружие в начале войны было ненадежным. Это верно отчасти: у солдат огромным почтением пользовалась трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 г. Многие солдаты давали своей винтовке имена. Например, санинструктор 308-й стрелковой дивизии Ариадна Добросмыслова называла ее «Борька»³. Но были образцы оружия, которые солдаты не любили. Например,

винтовка СВТ-40. По воспоминаниям фронтовиков, она не могла переносить окопного режима, ее нужно было чистить два раза в день. Помимо этого, у нее была сильная отдача, и солдат был не в состоянии прицельно стрелять после 5 – 10 выстрелов из этого оружия⁴.

На вооружении советской армии были танки, артиллерийские орудия, самолеты и т. д. Почти все исследователи, пишущие об Отечественной войне, подчеркивают, что это в основном устаревшие образцы, новых было мало, и они не могли составить конкуренцию немецкой технике. Но это не совсем так. В.С. Вознюк и П.Н. Шапов в книге «Бронетанковая техника» указывают, что перед войной у советской армии на вооружении были и плавающие, и тяжелые, и огнемётные танки⁵. У Гитлера в 1941 г. таких образцов не было вообще. Исключение составляют немецкие тяжелые танки «Рейнметалл», но их было всего 5 единиц. А плавающих и огнемётных танков у фашистской Германии не будет никогда⁶.

И несмотря на это, советские войска за 5 месяцев отступили до самой Москвы. Причина в том, что солдаты в оборонительной войне не могли использовать оружие, созданное для наступления. На первом этапе войны основными средствами борьбы с танками противника были бутылки с напалмом (так называемый «коктейль Молотова») и противопехотные гранаты.

Немаловажную роль в победе над фашизмом сыграла и психология русского солдата. Война – это сплошной страх. Человек не может быть на передовой больше десяти дней – не выдерживает мозг, сознание и психика. Начинает развиваться самая страшная болезнь участников боевых действий в XX в. – окопная болезнь.

В начале войны советские солдаты были уверены в скорой победе, в том, что враг будет уничтожен в приграничных боях. Об этом свидетельствует письмо старшего инженер-лейтенанта А.И. Жибурта домой: «...Здесь все спокойно. Наверное финны испугались и боятся наступать.

...Да и как не бояться, когда вся страна поднялась, как один человек, за Родину? Только сейчас я почувствовал нашу мощь и силу – она огромна...»⁷.

В этом же письме А.И. Жибурта пишет, что он в окопе на передовой вместе со своим другом. Действительно, дружба на войне играла огромную роль. Те, кто вернулся с войны друзьями, остались ими до конца своих дней. И по сей день ветераны Отечественной войны встречаются не только 9 Мая, но и в обычные дни. Это подтверждает омичка, участница боев за Днепр, Ефросинья Васильевна Калмышева. После войны и по сей день она встречается со своими однополчанами⁸.

Интересную информацию содержит такой источник, как воспоминания. Традиционно считается, что солдаты жили в блиндажах, дотах. Это не совсем верно. Большинство располагались в окопах, траншеях, а то и просто в лесу. Например, лейтенант Михин в своих воспоминаниях пишет, что солдаты его части жили в окопах, на дне которых были ветки, а сверху натягивали плащ-палатку на случай дождя⁹. Ариадна Добросмыслова дает другое описание. Они жили в землянке на 11 человек. С подругами сами обустроивали ее – сделали стол и стулья из снарядных ящиков, вставили окно, настелили пол, поставили печку¹⁰. Танкист 92-го инженерно-танкового полка Василий Афанасьевич Москаленко рассказывает о том, что жили они в яме под танком. Но это было тогда, когда часть базировалась на одном месте. Когда же полк был в движении, то располагались прямо в танке: спали на снарядной боеукладке, подложив под голову вещмешок и постелив под себя шинель¹¹.

Но это жизнь на линии фронта рядового солдата. В штабах, в прифронтовой полосе, условия жизни были другими. Работники штаба спали на деревянном полу под шинелью. Это – почти постель. Кроме того, если на передовой солдат спал не раздеваясь, то в штабе спали в нижнем белье¹².

Но солдатский быт не ограничивался жильем. В перерывах между боями проходили занятия по боевой и политической подготовке. По свидетельству В.А. Москаленко, в 1941 г. в Карелии он воевал в 37 разведбатальоне 7-й Дальневосточной Армии. Занятия у них проводились регулярно и по очень строгому расписанию¹³.

Точно так же, как патроны, винтовки, снаряды, нужен был солдату на фронте и хлеб.

«Хлеб – всему голова», – говорят в народе. Сытый и обеспеченный воин всегда одолеет врага. Поэтому организация питания бойцов на фронте являлась основной частью фронтового быта. Штатно-боевой расчет каждой дивизии обязательно предусматривал такое нужное подразделение как полевая хлебопекарня. О том, что из себя представляла такая хлебопекарня, рассказал в своих воспоминаниях В.Г. Мищенко – бывший командир отделения, старшина хлебозавода 73-й гвардейской Краснознаменной Сталинградско-Дунайской стрелковой дивизии: «Своеобразен и тяжел был в то время труд хлебопека, ибо никакой механизации или автоматизации не было, и все приходилось делать вручную за счет физической силы. Сама печь – металлическая, сборная, весила около 200 кг, мешок муки – 70 кг. Муку заблаговременно надо просеять на ситах вручную. Так же заранее в бочках и корытах следовало заготовить «опару», или «головку», а еще раньше подготовить дрожжи. [...] Один замес теста на каждую печь весил около 300 кг. Ежедневно необходимо было выпечь 6 – 8 тонн хлеба, чтобы обеспечить все подразделения дивизии...»

Одной из характерных особенностей нашей дивизии было то, что она с апреля 1942 г. и до конца войны непрерывно находилась в действующей армии, как правило, ее тыловые подразделения размещались не в городах и населенных пунктах, а в рощах и оврагах. Там же размещались и мы. Для установки печей на грунт нужно было выкопать 1,5 – 2-метровые аппарели на склонах оврагов.

Часто возникала проблема, где взять дрова, а их требовалось десятки кубометров. Порой нелегко было достать и воду. В безлесных и безводных степях под Сталинградом эти проблемы решались ценой огромных усилий наших товарищей.

В ходе маршей и наступательных боев нам трудно было успевать за боевыми порядками частей, ибо сам процесс выпечки хлеба занимал более полусуток. В таких случаях наша хлебопекарня перемещалась пошелонно, чем обеспечивалось непрерывность снабжения хлебом...

В первые годы войны автотранспорта было мало, и все 15 полевых печей простейшего типа перевозились с помощью пароконных повозок, но как только позволили условия, хлебопеки получили автомашины...

Велика была радость и для нас, хлебопеков, и для прибывающих за хлебом, когда по всей округе стоял изумительно ароматный хлебный дух, а из печей вынимали очередную садку булок поджаристого хлеба. Хотя это и был хлеб, сделанный по фронтовым рецептам и упрощенной технологии, но мастера часто делали его в лучшем в наших условиях виде и вкусе»¹⁴.

Скромный труд хлебопеков очень ценили сами бойцы, высоко ценила его и Родина. Тысячи воинов-хлебопеков были награждены орденами и медалями. Сам В.Г. Мищенко награжден орденом Красной Звезды и тремя боевыми медалями.

О значении хлеба на фронте рассказал омич Т.И. Горяинов в Книге памяти «Солдаты Победы»: «Летом 1942 года я был зачислен в 75-ю добровольческую стрелковую бригаду (бригада сформирована в Омске – *А.Р., А.Ш.*). Тогда мы совершали марш к фронту, и были проблемы с питанием личного состава. Бойцам вместо хлеба выдавали муку, и они готовили в котелках пищу сами. Под разными предлогами интенданты отказывались организовывать выпечку хлеба. И комиссар батальона Петр Александрович Скипин спросил меня, не могу ли я взяться за это дело? Комиссар приказал выделить муку и пекарей... К вечеру подвезли муку, прибыли пекари и создали пекарню (в одной из полуразрушенных деревень, где сохранилось несколько печей – *А.Р., А.Ш.*).

Утром впервые за несколько дней бойцы получили печеный хлеб... Высшей наградой для меня была похвала батальонного комиссара и поднявшееся настроение солдат...»¹⁵.

Солдату часто, особенно на маршах, хлеб заменял обыкновенный сухарь. Сухари – это тоже часть суровых солдатских будней. О солдатском друге – сухаре – немало

рассказано в воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны. Из фронтовых будней 75-й отдельной добровольческой стрелковой бригады: «... 3 октября 1942 года первые эшелоны 75-й стрелковой бригады выгрузились на железнодорожных станциях Селижарово и Шуваево. Отсюда предстояло совершить 220-километровый марш к линии фронта... Марш проходил в исключительно трудных условиях. Первые трое суток шли только ночью, т. к. вражеская авиация усиленно бомбила подступы к передовой.

А потом начались затяжные холодные осенние дожди. Они превратили дороги в сплошное месиво. Почти невозможным оказался подвоз продовольствия и фуража с армейских складов, расположенных в 50 и более километрах. В связи с этим, войны несколько дней получали только по 100 грамм сухарей»¹⁶.

В течение 100 дней вела непрерывные ожесточенные бои на направлении главного удара немцев (Мамаев Курган и Центральный вокзал – *А.Р., А.Ш.*) в Сталинграде 138-я стрелковая дивизия полковника Людникова из 62-й Армии генерала Чуйкова, причем 40 суток из них в полной изоляции от других частей. Пять суток бойцам дивизии пришлось сидеть на рации – 25 г сухарей, 12 г крупы, 5 г сахара и по 30 патронов на автомат.

Нехитрым был солдатский обед из походных котелков. «Щи да каша – пища наша», – гласит солдатская поговорка. Походные кухни были в каждом подразделении, в каждой воинской части. Гораздо труднее было организовать горячее питание на передовой. Еда для бойцов доставлялась сюда в специальных термосах-контейнерах. Участница войны Е.В. Калмышева вспоминала, как приходилось ей на лодке переправлять обеды на правый берег Днепра. В апреле 1942 г. она в числе многих девушек-омичек была призвана в армию и направлена на учебу в интендантское училище (отделение поваров) в Омске. После его окончания в 1943 г. получила назначение в 51-ю истребительную бригаду. После форсирования Днепра ее часть наводила мосты через реку. Работавшим на правом берегу саперам Е.В. Калмышева каждый день доставляла горячую пищу, переправляясь через реку на лодке в сопровождении единственного бойца¹⁷. Часто попадала под обстрелы. Однажды солдаты весь день были голодными. Только вечером Ефросинье Васильевне удалось привезти ужин. И солдаты, стоя по пояс в воде, с удовольствием ели пшеничную кашу. Сержант 4-го отделения инженерно-саперного батальона 51-й истребительной бригады повар Е.В. Калмышева была награждена медалью «За боевые заслуги»¹⁸.

Война длилась 1418 дней и ночей. Многие прошли ее от первого до последнего дня. За редким исключением, солдат не получал отпуска с фронта. Единственной нитью, которая связывала его с родными и близкими, были письма. Они являются незаменимым источником по истории Великой Отечественной войны во всех ее аспектах. Написанные в окопе, землянке, под деревом, письма солдат отражают моральное, психологическое состояние человека с оружием в руках, которым он защищает свою Родину, – гнев на противника, боль и страдания за поруганную и истерзанную землю. Помимо этого в письмах с фронта звучит забота о родных, детях и, конечно, вера в победу.

В этом убеждает нас письмо омича, младшего лейтенанта М.И. Сафонова, погибшего под Сталинградом 3 декабря 1942 г.: «...Маня, ты будь уверена, что немцам-собакам не видать нашего Сталинграда, как своим ушей.

Сталинград был советским - таким и будет. Общая наша задача, чтобы быстрее разгромить фашистов-людоедов и освободить наших братьев, сестер, матерей, отцов из-под немецких оккупантов. И приказ нашего любимого наркома т. Сталина выполним в срок, и год 1942 будет окончательным, разгромим, уничтожим гитлеровский фашизм! Привет всем родным и знакомым. Целую крепко, крепко, твой брат М. Сафонов»¹⁹.

Прочно вошли в солдатский быт музыка и песня. О их роли на войне хорошо сказал В.А. Москаленко, участник боев на Карельском фронте: «Наряду с тяжелыми изнурительными боями, песня и музыка нам помогали побеждать, рождали в человеке хорошее настроение, поднимали бодрость духа, боеспособность»²⁰. Василий Афанасьевич не расставался с гармонью с 1939 г. Гармонь ему подарил военком на проводах в

армию, зная его пристрастие к музыке. В.А. Москаленко командировали в ансамбль Армии, где он находился три месяца. Каждый день ансамбль давал по два-три концерта²¹. С гармошкой дошел он до Берлина. В память о войне и верной спутнице солдата – гармонии – В.А. Москаленко написал стихотворение «Русская гармонь».

«...Когда нам приходилось туго,
Звучала музыка твоя.
Тебя, как верную подругу,
Оберегали мы в боях.
Играла ты не на полянках –
В окопах, дотах, блиндажах,
Порой горела с нами в танках
Или в воздушных виражах.
...Как ни была дорога длинной,
Но над Рейхстагом – дым, огонь...
В кругу солдат среди Берлина
Запела русская гармонь»²²

Но кроме песен на фронте бойцы еще сочиняли стихи. Уже упоминаемая А.С. Добросмыслова посылала домой стихи, которые она писала в часы отдыха. В этих стихах отражена картина войны, переживания потерь и побед²³. Отец Ариадны Сергеевны некоторые письма приносил в редакцию газеты «Омская правда», и стихи публиковались на ее страницах.

Фронтные будни бойцов и командиров невозможно представить без фронтных бригад армейской художественной самодеятельности. Их участников называли «солдатами искусства». Выступать часто приходилось в 30–40 км от передовой, в походных солдатских столовых, в госпиталях, на импровизированных эстрадах – грузовиках с откинутыми бортами.

Из письма старшего инженер-лейтенанта А.И. Жибурта: «Позавчера вечером нас «угостили» прекрасным концертом – приезжали артисты из Ленинграда. Никто у нас не ожидал, что концерт будет таким хорошим – публика в нашем взводе видела виды, а требования у нас довольно высоки... Эстрадой была веранда недостроенной дачи. Зрительный зал – сосновый бор вокруг дачи. А в середине концерта вмешался воздушный концерт – налет немецких самолетов и бомбежка. Отогнали их, и опять в воздухе появилась мелодия музыки, чудесные голоса певцов»²⁴.

181 раз за два военных года выступала в бригадных концертах Е.Г. Мартэн – участница ансамбля песни и пляски 70-й Армии, бывшая солистка балета Омского музыкального театра. Участниками фронтных бригад были многие артисты омских театров. Это Н.А. Блохина, Б.М. Каширин, В.К. Лукьянов и др. Все они отмечены боевыми наградами.

Во фронтных буднях находилось место и творчеству.

На четвертый день войны ушел на фронт И.И. Поляков. Он не был профессиональным художником, но любил рисовать с детства, занимался самообразованием. На фронте стал связистом, линейным надсмотрщиком, сращивал порванные снарядами и минами телефонные провода. Но каждую свободную минуту он проводил с карандашом в руках. Рисовал однополчан – друзей, командиров. И. Полякова направили в дивизионную газету «Сталинец». Вместе с журналистами он шел на передовую по всем подразделениям, рисовал портреты отличившихся бойцов, которые затем помещались в газете. Лучшие фронтные зарисовки и рисунки И.И. Полякова экспонируются в залах Музейного комплекса воинской славы омичей.

С первых дней войны до победного 1945 г. прошел дорогами войны, с винтовкой и карандашом, И.Я. Сивохин. До войны он учился в Омском художественно-промышленном училище им. Врубеля. Воевать пришлось в Заполярье. Беглые фронтные зарисовки, портреты однополчан, политическая карикатура – вот содержание фронтных работ омского художника И.Я. Сивохина.

Военный корреспондент 107-й танковой дивизии сержант А.Н. Либеров – ныне Народный художник России, Лауреат государственной премии им. Репина, член-корреспондент Академии художеств, Почетный гражданин г.Омска. Он был свидетелем кровопролитных боев под Москвой. Тяжкая доля солдата на войне, его ратный подвиг запечатлен на его многочисленных фронтовых рисунках.

Благодаря солдатскому творчеству на фронте мы лучше понимаем, какой ценой досталась нам победа в Великой Отечественной войне.

Немалую роль во фронтовых буднях играла книга. В вещмешке вместе с нехитрым солдатским скарбом нередко лежала любимая книга, томик любимых стихов. В условиях наступательных боев никаких библиотек в дивизиях не существовало. Книга попадала в руки бойцов разными путями. Как рассказывает А.Д. Колесников – доктор исторических наук, профессор, бывший политработник 138-й стрелковой дивизии, чаще всего она переходила из рук в руки. Книги находили в библиотеках разрушенных городов и сел, иногда книги вместе с письмами из штаба дивизии доставляли почтальоны.

Во фронтовом дневнике А.Д. Колесникова, сражавшегося в Сталинграде, есть запись о том, как стыдно ему было за минуту сомнения: выстоят ли полуголодные, изнуренные солдаты в сталинградском аду? Тогда он попросил девушку-библиотекаря достать книгу «Как закалялась сталь». С этой книгой А.Д. Колесников прошел всю войну. Образ Павки Корчагина, любимого когда-то советской молодежью, вдохновлял не только самого Александра Дмитриевича, но и его бойцов, с которыми он не раз проводил беседы по книге, устраивал громкие читки²⁵.

Прошедшая через сталинградские бои А.С. Добросмыслова, санинструктор 308-й стрелковой дивизии, писала своим родителям: «... Я жутко соскучилась по книгам. В одной деревне мы обнаружили «Евгения Онегина», так зачитали его до дыр, каждую свободную минутку с упоением читали его вслух»²⁶.

Прошло более полувека с того времени, когда нашей страной была одержана великая Победа над фашизмом. Но до сих пор не поставлена последняя точка в исследованиях по истории Великой Отечественной войны. И тема фронтового быта является составной частью этой истории.

¹ Униформа Красной Армии 1939 – 1945 гг. – М., 1995. – С. 18.

² Суворов В. Ледокол. День «М». – М., 1994. – С. 476.

³ «Я пишу последнее, быть может...»: Письма с фронта. – Омск, 1994. – С. 97.

⁴ Униформа Красной Армии... – С. 32.

⁵ Вознюк В.С., Шалов П.Н. Бронетанковая техника. – М., 1987. – С. 57.

⁶ Суворов В. Указ. соч. – С. 31.

⁷ «Я пишу последнее, быть может...» – С. 10.

⁸ Материалы опроса, проведенного авторами в 2001 г.

⁹ Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме. – Кн. 1. – Ржев, 1998. – С. 22.

¹⁰ «Я пишу последнее, быть может...» – С. 97–98.

¹¹ Материалы опроса.

¹² Это было на Ржевско-Вяземском плацдарме. – Кн. 1. – С. 26.

¹³ Материалы опроса.

¹⁴ Музей воинской славы омичей. Личный архив Героя Советского Союза Яценко Н.И. – МВСО 45116.

¹⁵ Солдаты Победы. – Т. 1. – Омск, 2000. – С. 232.

¹⁶ От Иртыша до Эльбы: Боевой путь омских формирований в годы Великой Отечественной войны. – Омск, 1989. – С. 44.

¹⁷ Музей воинской славы омичей. Личный архив Калмышевой Е.В. – МВСО 625.

¹⁸ Материалы опроса.

¹⁹ «Я пишу последнее, быть может...» – С. 119.

²⁰ Музей воинской славы омичей. Личный архив Москаленко В.А. – МВСО 119.

²¹ Материалы опроса.

²² Музей воинской славы омичей. Личный архив Москаленко В.А. – МВСО 545.

²³ «Я пишу последнее, быть может...» – С. 92–93.

²⁴ «Я пишу последнее, быть может...» – С. 12.

²⁵ Музей воинской славы омичей. – ВОМС 6, 7.

²⁶ «Я пишу последнее, быть может...» – С. 90.